

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ.

Истекшій мѣсяцъ можетъ быть, по истинѣ, названъ законодательнымъ. Такой усиленной законодательной дѣятельности давно уже не было и едва ли даже запомнятъ старожилы государственнаго совѣта. Очевидно, что мы, если не обновляемся, то починаемся и укрѣпляемся. Достаточно только перечислить то, что было опубликовано въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» съ 1-го мая, а именно: положеніе о порядкѣ зачета особыхъ взносовъ, представляемыхъ крестьянами въ уплату выкупныхъ ссудъ; постановленіе о введеніи въ дѣйствіе правилъ о порядкѣ учрежденія и устройства сельскихъ аптекъ; новый законъ объ еврейскъ; проектъ новаго вексельнаго устава, съ введеніемъ новой вексельной бумаги; о временной пріостановкѣ дѣйствія земскихъ учреждений въ Землѣ Войска Донскаго; о закрытіи западно-сибирскаго и объ учрежденіи новаго-степного-генераль-губернаторства; о порядкѣ производства дѣлъ по нѣкоторымъ государственнымъ преступленіямъ; о выборахъ въ гминные судьи; о постепенной отмѣнѣ съ будущаго года подушной подати, «по мѣрѣ изысканія новыхъ источниковъ государственныхъ доходовъ»; о закрытіи главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія; о воспрещеніи святѣйшимъ синодомъ лицамъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія торговать иконами, крестами и т. д. Я не перечисляю менѣе важныхъ постановленій, напримѣръ, о приѣмѣ своекоштныхъ воспитанниковъ въ михайловское артиллерійское училище; о введеніи мировыхъ судебныхъ установленій и положенія о нотаріальной части въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи; о введеніи положенія объ усиленной охранѣ въ Полтавской губ. и объ освобожденіи отъ такового Воронежскаго уѣзда и города Воронежа и т. п. Одни изъ этихъ узаконеній, какъ напримѣръ, о подушной подати ¹, возникли и

¹ Послѣ многолѣтняго существованія податной комиссіи въ 1879 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе: приступить, вопреки мнѣнію комиссіи о несвоевременности реформы, «нынѣ же къ обсужденію предположенія объ отмѣнѣ сборовъ, взимаемыхъ въ пользу государственнаго казначейства по подушной системѣ и объ изысканіи, для замѣны ихъ, другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ».

обсуждались еще въ прошлое царствованіе; другіе, какъ напри-
мѣръ, законъ объ евреяхъ, доставившій, по словамъ «Новаго
Времени», гр. Игнатьеву славу государственнаго человѣка, со-
ставляютъ цѣликомъ 'достояніе новѣйшаго времени. Нѣкоторые
изъ этихъ узаконеній чрезвычайно важны, но, такъ какъ объ
однихъ изъ нихъ говорилось уже много въ печати, а о другихъ
говори не говори — все равно дѣла не измѣнишь, то мы и не
станемъ о нихъ распространяться и перейдемъ къ предметамъ,
болѣе нуждающимся въ разсмотрѣніи; это тѣмъ болѣе, что но-
вые законы никуда не убѣгутъ и, такъ или иначе, будутъ со-
прикасаться съ различными вопросами, о которыхъ намъ при-
дется говорить впослѣдствіи.

Начнемъ съ того, что намъ ближе и болѣе всего. Что у
кого болить, тотъ про то и говоритъ — слышаваетъ пословица.
Въ то время, когда законодательство, такъ или иначе, косну-
лось почти всѣхъ отраслей государственной жизни, одни только
законы о печати остались безъ измѣненія, остались въ полной
неприкосновенности. Въ газеты проникъ слухъ, что и относи-
тельно законовъ о печати существуютъ какіе-то проекты, кото-
рые будутъ разсматриваться будто бы осенью; но что это за
проекты—никому неизвѣстно. Одни говорятъ, что предваритель-
ная цензура, какъ недостигающая цѣли, будетъ совсѣмъ уни-
чтожена; другіе, что, напротивъ, будетъ распространена на всѣ
изданія; третьи, что будетъ учреждена надъ печатью особая су-
дебная инстанція изъ членовъ главнаго управленія по дѣламъ
печати, подобно тому, какъ это проектировалось въ извѣстной
брошюрѣ: «Письма о современномъ состояніи Россіи», четвер-
тые, что печать отойдетъ изъ вѣдѣнія министерства внутрен-
нихъ дѣлъ въ вѣдѣніе имѣющаго учредиться министерства по-
лиціи; пятые... Но всего, конечно, не переслушаешь, тѣмъ бо-
лѣе различныхъ варіантовъ и подробностей, когда неизвѣстно
даже общее направленіе проектовъ, если таковые имѣются, и
никто не знаетъ, что они имѣютъ въ виду—большую свободу
или новыя какія-нибудь пути. Можно было бы думать и на-
дѣяться, что и для «вольнотпущенной прессы», какъ ее зло
окрестилъ покойный кн. Васильчиковъ, выйдетъ, наконецъ, ка-
кое-нибудь облегченіе и наступятъ болѣе свѣтлые дни, дни, по
крайней мѣрѣ, не административно усмотрительнаго, а закон-
наго порядка, порядка яснаго и опредѣленнаго, когда печатное
слово будетъ имѣть дѣло только съ судомъ, и съ судомъ не по-
лицейскимъ и административнымъ, а съ судомъ присяжныхъ и
общими судебными установленіями. Такъ, говорю я, можно было
бы думать, потому что дальнѣйшаго отягченія судебъ печати
трудно себѣ представить, въ виду такого обилія выставленныхъ
фактовъ ея стѣсненности и общаго сознанія недостаточности
той свободы, какою она пользуется. Это высказывалось не одними
органами печати, но и земскими людьми, въ земскихъ собра-
Т. ССЛXII. — Отд. II. 20

ніяхъ: повгородскомъ, тверскомъ и другихъ. Исключеніе составляетъ развѣ только одинъ г. Катковъ, требующій для мысли цѣней и тюремъ, но кто же не знаетъ, что это у него манія такая, манія, однако, не мѣшающая ему самому пользоваться неограниченною свободою слова. Между тѣмъ, если вѣрить слухамъ, то одинъ изъ проектовъ, о которомъ собственно и проникъ слухъ въ газеты, и который, слѣдовательно, наиболѣе законченъ и близокъ, если не къ осуществленію, то къ разсмотрѣнію, имѣетъ въ виду именно дальнѣйшее сокращеніе вольностей печати. Говорятъ, что право на изданіе извѣстнаго органа предполагается будто бы поставить въ такія условія, чтобы оно испрашивалось каждый годъ, подобно свидѣтельствамъ на право торговли, при чемъ отъ главнаго управленія по дѣламъ печати будетъ зависѣть, смотря потому, какъ велъ себя въ истекшемъ году извѣстный органъ, выдавать или не выдавать разрѣшенія, или выдавать ихъ, но съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ, на примѣръ, для газетъ—права розничной продажи, печатанія объявленій и т. п. Трудно повѣрить, чтобы подобный проектъ могъ серьезно существовать. Невыдача концессіи или разрѣшенія на продолженіе изданія равносильно закрытію изданія, а это, какъ извѣстно, прежде всего сопряжено съ разрушеніемъ имущественныхъ правъ издателя. Если, какъ рассчитывали газеты, недавняя 6-тимѣсячная приостановка «Голоса» опредѣлялась въ 150,000—200,000 р., то совершенное закрытіе такого изданія равнялось бы потерѣ капитала, который опредѣлится капитализаціей приносимаго имъ дохода изъ извѣстнаго $\%$, не менѣе 6%, т. е. процента официального. Чтобы поставить большую газету на ноги — недостаточно одного года и нужно затратить капиталъ въ нѣсколько сотъ тысячъ, которыя могутъ составлять нетолько все состояніе человѣка, но и могутъ быть добыты путемъ займа и тяжелыхъ долговыхъ обязательствъ, которыя во всякомъ случаѣ остаются на издателѣ. До сихъ поръ на закрытіе изданія не имѣли права нетолько главное управленіе по дѣламъ печати, но и министръ внутреннихъ дѣлъ и даже комитетъ министровъ, а требовалось Высочайшее повелѣніе, которое нужно было исходатайствовать. Поэтому до сихъ поръ закрытіе изданій практиковалось весьма рѣдко, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ и совершенно экстренныхъ случаевъ. Правда, что закрытіе изданій могло совершаться иными, необходимыми путями — частыми приостановками изданія и неутвержденіемъ редакторовъ, а отчасти и недозволеніемъ передачи изданія въ другія руки; но не на утвержденіе редакторовъ можно было жаловаться въ 1-й департаментъ сената, а недозволенія продажи изданія, какъ ограниченія имущественнаго права и совершенно непредвидѣннаго законами о печати случая, не признавалъ бы, конечно, ни одинъ судъ. По разрушеніе «священныхъ правъ собственности», о которыхъ мы такъ много толковали по поводу покражи Маркомъ Волоховымъ яблокъ изъ чужого сада

и вообще непризнанія ихъ нигилистами, есть только одна сторона дѣла, и сторона едва ли самая худшая. Есть и другія стороны легкаго и общедоступнаго закрытія изданій: каждое такое закрытіе сопряжено съ освобожденіемъ или, лучше сказать, съ выбрасываніемъ на улицу извѣстнаго количества работниковъ: сотрудниковъ, корректоровъ, репортеровъ, корреспондентовъ, наборщиковъ и т. д., которые, потерявъ занятіе, приобрѣтаютъ всѣ качества умственнаго пролетаріата; новое занятіе находится не легко и они переходятъ въ чисто недовольныхъ — кто собою, а кто порядкомъ вещей. Если временная пріостановка одного какаго-нибудь изданія заставляла кандидатовъ университета заниматься перепискою, а владимірскихъ кавалеровъ поступать чернорабочими на заводы, какъ этому у насъ бывали примѣры, то закрытіе нѣсколькихъ изданій должно только увеличивать размѣры такого явленія и растягивать тягость неопредѣленнаго положенія и пріисканія работы во времени. Должно увеличиваться число недовольныхъ и изъ читателей закрытаго изданія, читателей, привыкшихъ къ нему и жившихъ вмѣстѣ съ нимъ умственною и духовною жизнью. Но и это еще не все: легкое закрытіе изданій можетъ легко сдѣлаться орудіемъ политической борьбы партій; партія, получившая почему-нибудь преобладаніе, преобладаніе можетъ быть только случайное и временное и рѣже всего связанное съ положительными качествами, можетъ закрыть всѣ неприятыя и враждебныя ей изданія; а такимъ образомъ общество и власть будутъ имѣть передъ собою не истину, которая получается изъ столкновенія противоположныхъ мнѣній, а одностороннее мнѣніе партіи, которая одно будетъ скрывать, а другое преувеличивать и вообще будетъ заинтересована гнуть жизнь въ свою пользу. Получить преобладаніе другая партія — будутъ закрываться другіе органы печати. Сегодня будутъ служить панихиду одни, завтра другіе. Ясное дѣло, что этотъ, совершенно восточный порядокъ вещей, не можетъ быть никому желателенъ, за исключеніемъ развѣ г. Каткова, и, какъ порядокъ въ высшей степени вредный для истины и общественной справедливости, не можетъ, вообще, пользоваться сочувствіемъ. Вотъ почему мы и не думаемъ, чтобы могъ дѣйствительно существовать подобный проектъ закона о печати, хотя въ существованіе его нѣкоторые и вѣрятъ. Нужно особенно смутное время и нужно слишкомъ ко многому притерпѣться, чтобы рѣшительно всему вѣрить, какъ теперь стали вѣрить мы. Стѣсненіе мысли никогда не давало тѣхъ результатовъ, какіе желали получить стѣснители, а стѣсненіе свободы печати всегда порождало заграничную и такъ называемую подпольную литературу, которая тѣмъ больше распространялась и тѣмъ болѣе становилась популярной, чѣмъ больше было стѣсненій. Нужно думать, что мы чему-нибудь научились, если не изъ исторіи и опыта чужеземныхъ народовъ, то изъ своего собственнаго опыта. Вѣдь

это только осель Евгения Савойскаго совершилъ съ нимъ всё его походы и не научился военному искуству.

Наиболѣе непримиримымъ противникомъ свободы печати является у насъ г. Катковъ, чуть ли не ежедневно теперь доказывающій, что надпольная и подпольная печать суть одно и тоже и рекомендующій закрытіе чуть ли не всей неприятой ему прессы. Берите, говоритъ онъ, примѣръ съ Германіи, гдѣ «со временни введенія закона о социалистахъ и малаго осалнаго положенія (въ важнѣйшихъ городахъ) съ 21-го октября 1878 г., на примѣръ, по настоящее время запрещено *семьсотъ тридцать* газетъ, журналовъ и иныхъ произведеній печати (?) и разогнано нѣсколько сотъ сообществъ, съ преданіемъ суду нарушителей закона». И что всего замѣчательнѣе, продолжаетъ онъ, все это дѣлается «простою, не дорогою, уголовною полиціей и обыкновенными судами... Но для насъ всего важнѣе, всего поучительнѣе какъ здѣсь и полиція, и суды ухитряются неумолимо преслѣдовать и подавлять *легальную крामолу*, пропаганду держащуюся, какъ у насъ въ Россіи, на *легальной* почвѣ. Система, избранная полиціей и судами, очень проста: отыскивать анти-государственную пропаганду по *запаху*, по *духу*, а не посредствомъ *буквы и формы*» («Моск. Вѣд.», № 145, 1882 г.). Но гдѣ же у насъ социалистическая печать, подобная германской, и гдѣ тѣ *семьсотъ тридцать* газетъ и журналовъ, которые слѣдовало бы закрыть. Мы не говоримъ уже о томъ, насколько достоверна приведенная г. Катковымъ (по обыкновенію безъ указанія источника) цифра будто бы закрытыхъ въ Германіи періодическихъ изданій, съ присоединеніемъ, правда, къ нимъ какихъ-то «и иныхъ произведеній печати» (вѣроятно, книгъ и брошюръ); не говоримъ о томъ, что у насъ нѣтъ и въ номинѣ нѣсколькихъ сотъ легальныхъ социалистическихъ сообществъ, которыя тамъ закрыты и разогнаны, что «уголовная» нѣмецкая полиція и «обыкновенные» нѣмецкіе суды—не одно и тоже, что наша полиція и необыкновенные суды; что, отыскивая пропаганду по запаху и духу, легко ошибаться и унюхивать совсѣмъ не то, что слѣдуетъ, что полагаться вообще на нюхъ, какъ на критерій, не возможно (а тѣмъ подавно на русскій нюхъ); что кн. Бисмаркъ мѣрами противъ духа времени, провозглашенными имъ подъ видомъ закона о социалистахъ, и расширеніемъ полномочій полиціи только подорвалъ къ себѣ довѣріе страны и уронилъ свой авторитетъ, чѣмъ и объясняются его послѣднія парламентскія неудачи и, повидимому, безповоротная потеря популярности, которую не подняло и заигрываніе съ народомъ, къ которому онъ въ послѣднее время обращался, и что, наконецъ, Германія не только не очищена отъ социальныхъ вопросовъ и учений, но вопросы эти тамъ еще болѣе усложнились и обнаруживаютъ пренеприятные для желѣзнаго канцлера симптомы. До всего этого г. Каткову, разумѣется, нѣтъ никакого дѣла. Когда ему нужно бываетъ что-нибудь доказать, то онъ обыкновенно ничѣмъ не стѣс-

208

яется. Такъ, напримѣръ, недавно (онъ тогда еще не былъ успокоенъ на счетъ будущности отечества) онъ пресерьёзно доказывалъ, что у насъ вскорѣ послѣ крестьянской реформы «политическая интрига овладѣла было самымъ кормиломъ правленія», что *всѣми* тогда «овладѣло бѣшенство, какъ бы раздробить и ослабить Россію, какъ бы выкроить изъ нея нѣсколько государствъ»; но этого мало: онъ доказывалъ, что эта же самая интрига дѣйствовала и до самаго послѣдняго времени, «приноровляясь къ обстоятельствамъ» и пролагая себѣ новыя «подземныя» пути, и что органами ея были «покойный «Порядокъ» и здравствующій «Голосъ», служившій и тогда, какъ теперь, органомъ интриги» («М. Вѣд.», № 143, 1862 г.). Вотъ эти то семьсотъ тридцать социалистическихъ газетъ и надо закрыть безъ промедленія, присвокупивъ къ нимъ, конечно, между прочимъ, и нѣкоторыя другія неосновательныя изданія. Свободы мнѣнія, свободы мысли и совѣсти—никому и никакой!

Я позволю себѣ возразить г. Каткову словами одного писателя 60-хъ годовъ, съ которымъ онъ былъ когда-то солидаренъ. Вотъ что говорилъ этотъ писатель: «Нашъ почтенный оппонентъ (М. П. Погодинъ) полагаетъ, что свобода совѣсти, какъ бы ни была она хороша сама по себѣ, никакъ не можетъ быть допущена у насъ въ ближайшее время. Онъ относитъ ея водвореніе до того времени, когда наше общество окрѣпнетъ, возмужаетъ, созрѣетъ, будетъ умнѣе. Тогда, въ видѣ награды, оно можетъ быть спущено съ полицейскихъ помочей. Но намъ кажется, что такая точка зрѣнія ошибочна. Льготы, приобретаемыя обществомъ, отнюдь не должны имѣть значенія награды... Какъ намъ стать умнѣе и лучше? Какими путями идти намъ къ этой цѣли? Можетъ ли общество когда-нибудь созрѣть умственно и нравственно безъ элемента свободы? Можно ли выучиться ходить не ходя, выучиться плавать не плавая? Можно ли приобрести опытность безъ опытовъ, безъ испытаній, безъ усилий и жертвъ?» Что же это за писатель, который говорилъ такія хорошія слова и съ которымъ г. Катковъ былъ солидаренъ? А это самъ же г. Катковъ, и это его же собственныя слова, которыя онъ писалъ въ «Моск. Вѣд.» 1863 года (№ 174). Теперь, конечно, онъ все это позабылъ. До какой степени дорожилъ тогда г. Катковъ независимостью печати и независимостью ея мнѣній отъ какого бы то ни было административнаго давленія, можно видѣть изъ его порицаній официальной печати («Вилевскаго Вѣстника» и «Русскаго Инвалида»): Правительственныя лица, писалъ онъ, «какъ и всякія другія, могутъ симпатизировать болѣе одному, чѣмъ другому дозвольтельному мнѣнію»; но только тогда положеніе печати можетъ быть признано удовлетворительнымъ, только тогда оно можетъ стать истинно полезною силою, когда *каждое* изъ этихъ направленій или мнѣній «будетъ равно обезпечено и не будетъ стѣснено ни прямо, ни косвенно примѣсью правительственнаго элемента и казенныхъ средствъ къ дѣлу личныхъ

симпатій и антипатій. Этого требуетъ справедливость, этого требуетъ польза общества, этого требуетъ правильное и здоровое развитіе мѣтвнй, ибо искусственная и несправедливая подержка, давая силу тому, что не имѣетъ внутренней силы, можетъ производить только разстройство и замѣшательство». А это писалось даже въ 1864 г., т. е. когда польская интрига уже смутила нашего историческаго публициста и когда началась для него новая эра—эра преслѣдованія всякаго независимаго мѣтвнй, всякаго проблеска свободы и всякой общественной инициативы. Тогда, впрочемъ, надъ нимъ стояло еще облачко сомнѣнія въ его политическихъ и экономическихъ идеяхъ, облачко, которое время отъ времени охлаждало его; но насколько затѣмъ весь горизонтъ надъ нимъ и передъ нимъ расчистился и насколько публицистическая его дѣятельность осталась независимою отъ административнаго поощренія, говорить, кажется, нѣтъ надобности. Самъ онъ недавно, говоря объ отставкѣ гр. Игнатьева, поясняетъ значеніе своей *неоспоримой силы*, которую будто бы либеральная печать миѣтически преувеличила, слѣдующимъ образомъ: «Власть наша дѣйствительно большая: она заключается въ магической формулѣ A есть A или, если угодно, дважды два четыре» (№ 152, «М. В.»). Хорошо, конечно, еслибы въ такой вовсе не магической, а элементарно-математической формулѣ заключалось все дѣло: тогда то, что составляло въ 1863 г. четыре, не могло бы составлять всего лишь черезъ нѣсколько дѣтъ пяти или стеариновой свѣчки, какъ это по бѣдшей части случалось; тогда, дѣйствительно, преобладала бы во всемъ математическая ясность, а не магическія превращенія. Но дѣло въ томъ, что власть г. Каткова, власть, дѣйствительно, большая и многолѣтняя, основывалась совсѣмъ на другомъ, и именно—на магическомъ знаніи административныхъ пружинъ, на личныхъ соглашеніяхъ, на лести однимъ и преслѣдованіи другихъ (не всегда слабыхъ и павшихъ уже, но несомнѣнно имѣвшихъ упасть) сильныхъ міра сего. Теперь онъ желаетъ «уволненнымъ по бѣдзни министрамъ (т. е. гр. Лорисъ-Меликову и гр. Игнатьеву) поправиться въ здоровья» и говорить, что они, кромѣ вреда, ничего не припесли и путнаго ничего не сдѣлали, что «диктатура сердца», будто бы, даже «заперла подъ замокъ ввѣренную ей государственную власть и предоставила полный просторъ анти-государственному духу подъ титуломъ либеральной партіи», даже будто бы, *подъ выстрѣлами и врывами, обдумывалась программа дальнѣйшихъ уступокъ непріятелю* (?); по раньше, или, по крайней мѣрѣ, до поры до времени, этого не говорилось, и г. Катковъ нисколько не стѣсняется и теперь заявлять, что лично онъ ничего не имѣетъ ни противъ гр. Лорисъ-Меликова, ни противъ гр. Игнатьева и что «съ обоими, напротивъ», даже былъ «въ наилучшихъ отношеніяхъ» (№ 152, 1882 г.). Такое тяжкое обвиненіе и наилучшія личныя отношенія какъ-то совсѣмъ не вяжутся между собою. Наилучшія лич-

ныя отношенія и благословеніе Немезиды, отправившей недавнихъ друзей «на отдыхъ и врачеваніе» — какъ то не согласуется между собою. Но мало ли что не вяжется и не согласуется у г. Каткова. «Петербургскіе шарлатаны», какъ нынче насъ г. Катковъ величаетъ, имѣютъ, къ несчастью, память и никакъ не могутъ привести въ логическую послѣдовательность всего того, что слышали и слышатъ отъ г. Каткова. Они помнятъ, что говорилъ, напримѣръ, г. Катковъ по поводу введенія земскихъ учрежденій, что «самое важное значеніе этого закона то, что онъ впервые призываетъ у насъ къ жизни *земство*, какъ великую общественную, всеобъемлющую силу», и помнятъ также, какъ затѣмъ онъ относился къ этой великой общественной силѣ, не оставивъ у нея, кажется, ни одного не оплеваннаго мѣста, третируя ее, не довѣряя ей и подсмѣиваясь надъ ея «земскою конституціей» (№ 143, 1882 г.). Они помнятъ, какъ горячо ратовалъ г. Катковъ противъ бюрократизма и канцелярщины, и какъ затѣмъ, когда зашла рѣчь о бюрократической стѣнѣ между властью и народомъ и о томъ, какимъ образомъ удобнѣе устроить, чтобы высшее правительство имѣло точныя свѣдѣнія о нуждахъ и желаніяхъ народа, доказывалъ, что для этого вполнѣ достаточно существующаго канцелярскаго порядка вещей — адресовъ, почтъ и телеграфовъ. Въ то время, когда вся печать и, можно думать, все общество убѣдились въ томъ, что однимъ изъ главныхъ тормазовъ жизни является, по выраженію «Совр. Изв.», «формализмъ, присущій бюрократическому міру, его безучастіе къ живымъ интересамъ, зачастую неспособность ихъ понять и слышать, наконецъ, произволъ на всѣхъ ступеняхъ администраціи, и даже злоупотребленія», всю полноту которыхъ «чувствуетъ и осязаетъ изъ конца въ конецъ вся Россія» (№ 145), г. Катковъ доказывалъ, что бюрократическому механизму не недостаеетъ только хорошаго механика и единства власти и что всякое обращеніе къ странѣ за узнаваніемъ ея нуждъ и желаній есть чуть ли не настоящій призывъ къ революціи! (№ 130, 82, «Москов. Вѣд.»). Между тѣмъ, г. Каткову, казалось бы, всего труднѣе стоять за бюрократизмъ и осмѣять многочисленныхъ противниковъ такого рода обвиненіями, еслибы, конечно, онъ помнилъ лучше то, что говорилъ прежде. Самъ же онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, высказывалъ, что французская революція 1789 г. «была дальнѣйшимъ продолженіемъ, дальнѣйшею фазою того самаго духа, который дѣйствовалъ въ старой Франціи подъ другими формами, подавляя, слаживая и убивая всякую живую силу — того же духа всеуничтожающей администраціи, той же всепоглощающей силы правительственнаго механизма» («М. В.» 1864 г., № 7). Самъ же онъ, говоря о Тьеръ (о Тьеръ не 70-хъ, а 50-хъ годовъ), высказывалъ слѣдующее: «Приговоръ исторіи произнесенъ надъ ролю, которую игралъ Тьеръ въ этой несчастной, такъ позорно окончившейся іюльской монархіи. Всѣми дѣйствіями своими, всѣми

своими сочиненіями онъ доказалъ, что принадлежитъ къ тѣмъ французамъ, которые, по выраженію Наполеона I, не имѣютъ понятія о томъ, что такое свобода, а между тѣмъ, слово свобода не сходитъ у нихъ съ языка. Кто изъ политическихъ людей Франціи болѣе Тьера исповѣдуетъ ученіе административной централизаціи и правительственной опеки, то что во Франціи стали звать гувверnementализмомъ? Не онъ ли одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей этого духа, порожденнаго французской исторіей и непримиримо враждебнаго всѣмъ инстинктамъ свободы и самоуправленія — духа, которымъ хронически одержима эта страна, и которымъ заразилась она весь европейскій материкъ, духа регламентовъ, отвлеченныхъ предписаній, насилующихъ жизнь, убивающихъ свободу?» («Моск. Вѣд.», № 7, 64 г.) Между тѣмъ г. Катковъ ни мало этимъ не смущается и продолжаетъ съѣдать себя безъ остатка. До какой степени велики теперь его недовѣріе и нелюбовь къ мнѣнію страны можно лучше всего видѣть изъ тѣхъ глумленій, какими онъ недавно осыпалъ свѣдущихъ людей, людей даже не земскихъ, а назначенныхъ администраціей, называя ихъ за сѣданія «маленькимъ парламентомъ», который созывался будто бы только для того, чтобы «вести праздныя рѣчи о кабацкомъ дѣлѣ.» (М. В. № 152, 82 г.) «Петербургскіе шарлатаны» помнятъ, какъ г. Катковъ называлъ недавно мысль объ общественныхъ питейныхъ заведеніяхъ — «коммуно-кабацкою затѣею» и помнятъ также какъ не далѣе какъ въ 1872 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» говорилось, что общественный питейный домъ, или мірской кабакъ есть «та органическая мѣра, то простое учрежденіе, которое можетъ въ весьма значительной степени помочь непрестанно возрастающему и до гибельныхъ размѣровъ уже дошедшему злу отъ настоящаго порядка питейной торговли» и что «мѣра эта тѣмъ болѣе замѣчательна, что она является не навязанною извнѣ, но возникшею въ самомъ народѣ, существенно вызванною давленіемъ окружающаго зла». («Нов. Вр.» № 2217). Мы увѣрены, что еслибы кто-нибудь занялся сличеніемъ того, что г. Катковъ говорилъ прежде и впоследствии, то именно оказалось бы, что онъ давно уже истребилъ самъ себя безъ остатка оставивъ, однако, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» слѣды этого самоистребленія и воздвигнувъ себѣ ими такой памятникъ своего участія въ судьбахъ отечества, мимо котораго нельзя пройти безъ скорби и злобы. Гдѣ же истина: въ томъ ли, что говорилось прежде, или въ томъ, что говорится теперь? Г. Катковъ, конечно, скажетъ, что говоримое имъ теперь гораздо болѣе справедливо, возвышенно и зрѣло, но кто поручится, что завтра же онъ не скажетъ совершенно обратнаго и не начнетъ возвращать вамъ стараго г. Каткова, съѣденнаго новымъ г. Катковымъ? Это — настоящая исторія новаго міра, исторія совсѣмъ миѳическая, съ магическими чудесами и превращеніями, и, право, этими словами, употребленными самимъ же г. Катковымъ,

только и объяснимая. Гораздо болѣе важный вопросъ: возможна ли при такихъ условіяхъ, при такой склонности къ разрушенію всего и саморазрушенію, какая-нибудь зиждущая общественная дѣятельность? Думаемъ, что оны. Возможны фантастическіе планы и многолѣтнее упорство надъ осуществленіемъ ихъ, возможна беспощадная, неутомимая борьба съ препятствіями, со всѣмъ, что стоитъ на дорогѣ и такъ или иначе протестуетъ, борьба обходительная, при «наилучшихъ личныхъ отношеніяхъ», съ противникомъ сильнымъ, и безцеремонная и жестокая съ противникомъ слабымъ, но, затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ цѣли и уясненія несостоятельности фантастическаго плана и несогласія его съ жизнью, вы видите, что борьба эта переходитъ на собственныхъ союзниковъ и разрушеніе собственнаго же плана—прямымъ его отрицаніемъ или доведеніемъ его до карикатуры, до абсурда, до вселенскаго отвращенія. Примѣровъ этому можно было бы привести великое множество, а г. Катковъ еще удивляется, что ничего изъ его стараній не выходитъ, объясняя это, конечно, или польскою интригой, или отсутствіемъ единства власти или тѣмъ, что люди во власти «мыслили въ разбродъ.» Созерцая недавно свою силу, которую, хотя «петербургскіе шарлатаны» и преувеличиваютъ, но которая, тѣмъ не менѣе, велика и «неоспорима», г. Катковъ говоритъ: «6-го февраля 1880 г. мы писали въ «М. Вѣд.» о необходимости сильной центральной власти и сосредоточенія ея «въ одной сильной рубѣ»; это было дважды два-четыре, и вотъ въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней, гр. Лорисъ-Меликовъ получилъ тѣ обширныя полномочія которыя требовались положеніемъ дѣлъ». Затѣмъ, говоритъ г. Катковъ, 14-го февраля, въ тѣхъ же «Москов. Вѣдом.», мы писали: «Совершилось то, чего слѣдовало ожидать», а 15 февраля говорили: «быть можетъ, для успѣха дѣла вскорѣ окажется полезнымъ соединить всѣ части полицейскаго управленія непосредственно въ рукахъ лица призваннаго... къ борьбѣ съ крамолой. Это было тоже А есть А, и вотъ гр. Лорисъ-Меликову вскорѣ было подчинено жандармское управленіе, а затѣмъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ III отдѣленіе было вовсе упразднено, и такъ называемая государственная полиція вошла въ составъ министерства внутр. дѣлъ...» (№ 152, 82 г.) Опять, кажется, «совершилось то, чего слѣдовало ожидать» и формула г. Каткова была осуществлена, между тѣмъ г. Катковъ недоволенъ и нельзя было остаться довольнымъ, потому что ничего изъ его формулы не вышло, и Россія не избавилась отъ смуты, коренищейся, очевидно, въ чемъ-то другомъ и чего г. Катковъ знать совсѣмъ не желаетъ. Теперь оны, конечно, сложили всю вину на гр. Лорисъ-Меликова, но это, право, такъ легко и общепотребительно, что можетъ дѣлать рѣшительно каждый. Дѣло въ томъ, что еслибы г. Катковъ пожелалъ созерцать свою силу въ теченіи болѣе обширнаго періода времени, чѣмъ оны взялъ, то оны увидѣлъ бы, что ему очень часто можно было говорить стереотипную

фразу: «соггершалось то, чего слѣдовало ожидать», тогда какъ другіе никогда этого не могли сказать или должны были говорить совершенно обратное; а вышло ли изъ этого что-нибудь путное, вышла ли Россія, идя по пути, одобряемому г. Катковымъ, изъ затруднительнаго положенія, которое съ каждымъ годомъ все увеличивалось, можетъ лучше всего засвидѣтельствовать дѣйствительность.

Сваливать все на оппозиціонную ему печать, какъ это онъ теперь дѣлаетъ, слишкомъ ужъ просто, а думать, что съ подавленіемъ ея, все пойдетъ къ лучшему—еще того проще и наивнѣе. Тогда уменьшится только возможность высказываться общественному мнѣнію и увеличится сила мрака и произвола, отъ которыхъ затруднительность положенія и недовольство этимъ положеніемъ будутъ только возрастать. Я думаю, что у «Московскихъ Вѣдомостей» не поднимется даже подписка; а дѣйствительность не замедлитъ, конечно, опять обнаружить ошибку въ расчетѣ и показать, на чьей сторонѣ была истина. Отъ истины не убѣжишь, ея не заколотишь въ могилу и не законопатишь ей рта. Она—очень терпѣливая, но въ то же время и не милосердная учительница: она даетъ людямъ самые суровые уроки до тѣхъ поръ, пока они не поймутъ ея. Не стануть они ея слушать—она ихъ заставитъ слушать себя; не будутъ они ея понимать—она не устанетъ въ присказкѣ средствъ, чтобы ее поняли; не въ состояніи они будутъ ее понять—она ихъ упразднитъ или превратитъ въ историческое посмѣшище. Г. Катковъ усердно указываетъ на истребленіе нѣмецкой печати нѣмецкою полиціей и прокуратурой, но при этомъ умалчиваетъ о нѣмецкихъ законахъ о печати, о роли суда въ ея жизни и о той легкости, съ какою тамъ каждый человѣкъ можетъ начинать изданіе или возобновлять изданіе закрытое, благодаря чему одно и то же изданіе возрождается нѣсколько разъ подъ разными именами, а иногда и подъ однимъ и тѣмъ же именемъ. Еслибы у насъ, вмѣстѣ съ нѣмецкими строгостями, были введены и нѣмецкіе законы о печати, то мы, конечно, были бы только довольны этимъ и благословили бы судьбу. Обуздавше мысли посредствомъ подавленія печати не достигаетъ цѣли не только въ силу вышеуказанныхъ причинъ, но и потому еще, что упраздняемая мысль, подъ вліяніемъ жизненнаго спроса на нее, проходитъ въ наибольшее броженіе и проникаютъ въ другія изданія, появляясь въ нихъ совершенно ни для кого неожиданно и проявляясь въ формѣ наиболѣе рѣзкой. Неожиданные протесты всегда болѣе рѣзки, а когда приходитъ весна, то ее чувствуетъ и подъ лучами ея оживаетъ всякая божеская тварь, начиная отъ ничтожной обмершей божьей коровки до соннаго медвѣдя. Кромѣ того, стѣсненное положеніе слова непременно должно повижать духовный и нравственный уровень печати, велѣдствіе чего въ литературу начинаютъ вторгаться: спекуляція и торгашество, бойкая посредственность и нахальство, площадная ругань, порно-

графія, шантажъ, клевета, доносъ и т. д. Всему этому мы также имѣемъ уже не мало примѣровъ. А одновременно съ этимъ и публика начинаетъ искать въ прессѣ уже не духовной пищи, не отвѣтовъ на мучительные вопросы, а новостей да скабрзностей, скандаловъ, побитыхъ физиономій и вырванныхъ бакенбардъ, отравившихся любовницъ и обманутыхъ любовниковъ, начинаетъ мало-по-малу не уважать прессу и искать духовнаго удовлетворенія въ прессѣ иного рода. Наиболѣе сильнымъ аргументомъ въ пользу свободы печати у насъ выставлялась необходимость гласности для обнаруженія многочисленныхъ и распространенныхъ хищений, злоупотребленій и неправдъ. Конечно, это—весьма важный вопросъ, въ которомъ печать, какъ никто другой, можетъ сослужить обществу службу; но это только одна сторона дѣла, сторона, такъ сказать, виѣшняя и , а есть и другая сторона, гораздо болѣе важная: это именно служеніе духовнымъ потребностямъ общества, забота объ его умственныхъ и нравственныхъ интересахъ, объ указаніи ему путей къ правдѣ и о поддержаніи въ немъ той искры Божіей, безъ которой жить человѣкъ не можетъ, не превращаясь въ животное и не падая нравственно. Задача эта, повторяю, огромная и важная. Я не говорю, что мы выполняемъ ее какъ слѣдуетъ и можемъ какъ слѣдуетъ выполнять, а говорю только, что она должна выполняться литературой и что для этого нужна свобода печати, безъ которой настоящій человѣкъ не придетъ въ литературу или если и придетъ, то очень скоро въ ней задохнется. Мы указывали какъ-то на огромный вредъ для общества вслѣдствіе стѣсненія возвышенныхъ дѣятельностей и прямыхъ путей къ правдѣ; присоедините къ этому еще стѣсненіе мысли, и вы увидите — какой въ жизни наступитъ хаосъ. Уже и теперь, кажется, хаоса этого вполне достаточно: одна обширная лѣтосица нашихъ хищений и взглядъ на нихъ общества, какъ на нѣчто обычное и заурядное, можетъ свидѣтельствовать о паденіи общественныхъ нравовъ, которое, какъ извѣстно, всегда знаменовало критическое состояніе обществъ. У насъ подъ руками весьма характерная въ этомъ отношеніи страница нашей жизни — недавно разбиравшійся процессъ г. Буша. Бывшій генераль-штабъ-докторъ нашего флота и тайный совѣтникъ Бушъ торговалъ, какъ извѣстно, казенными мѣстами и наградами; прикащиками у него были бывшій фельдшеръ Андреевъ и писарь Шарфеновъ, которыхъ онъ произвелъ, конечно, въ чиновники—перваго въ коллежскіе ассесоры, а второго въ титулярные; покупателями были старые и молодые врачи, люди, съ точки зрѣнія «Моск. Вѣдомостей», несомнѣнно вполне благонамѣренные и съ формальнымъ высшимъ образованіемъ; тутъ же была при чемъ-то (при чемъ именно на судѣ не выяснено) танцовщица Селезнева, производившая, однако, иногда назначенія по службѣ; тутъ же фигурировала и какая-то дорогая табакерка, которую подсудимые закладывали (за 400 р.) и выкували... Картина, какъ видите, со-

вершенно семейная. Процессъ г. Буша именно съ этой, семейной и современной бытовой стороны больше всего и интересенъ, такъ какъ ни грандіозностью хищенія, ни остроуміемъ плана дѣйствій и никакими другими криминальными эффектами и тонкостями не отличается. Все было устроено очень просто и въ тоже время чрезвычайно удобно; вся переписка по назначенію врачей (т. е. торговля книги) находилась въ рукахъ Буша и исполнялись имъ вмѣстѣ съ Парфеновымъ, «составляя тайну для всѣхъ прочихъ служащихъ въ управленіи штабъ-доктора», (еще бы—коммерческія тайны развѣ открываютъ); торговались о назначеніяхъ на высшія должности, перемѣщеніяхъ и командировкахъ съ Парфеновымъ, а больше съ старшимъ, повидимому, Андреевымъ, представлявшими выручку хозяину; самъ хозяинъ рѣдко выходилъ къ покупателямъ, развѣ въ экстренныхъ случаяхъ, но за торговлю тѣмъ не менѣ слѣдилъ зорко. Андрею онъ довѣрялъ больше—это былъ вполне преданный ему человѣкъ, но за то его и ругалъ, а Парфенова, человѣка способнаго, узнававшаго всѣ его мысли («что я подумаю, то онъ уже знаетъ, это моя вторая голова» говорилъ о немъ г. Бушъ) ругать себѣ не позволялъ, относясь къ нему вѣжливо, такъ какъ побаивался съ его стороны доноса. (Удивительная судьба этихъ доносчиковъ: Парфеновъ обязанъ былъ, между прочимъ, слѣдить за всѣми служащими подъ начальствомъ г. Буша и доносить ему о нихъ, и самъ же г. Бушъ ему не довѣрялъ и побаивался его именно съ этой стороны). Какія добрыя и даже трогательныя отношенія существовали между г. Бушемъ и Андреевымъ можно видѣть изъ собственноручнаго письма Буша изъ-за границы къ танцовщицѣ Селезневой, въ которомъ Бушъ, между прочимъ, пишетъ объ Андреевѣ слѣдующее:

«Иванъ Даниловичъ ведетъ мои дѣла вотъ уже скоро 17 лѣтъ и ведетъ ихъ честно, добросовѣстно и съ большимъ умѣніемъ. Черезъ него я имѣю то, что у меня есть, и могу дѣлать всѣ болѣе или менѣе значительныя расходы и, не совѣтовавшись съ нимъ, я не произвожу болѣе крупныхъ выдать. Могу васъ увѣрить, онъ мои дѣла принимаетъ ближе къ сердцу, чѣмъ свои собственныя. При свиданіи нашемъ съ нимъ въ Вѣнѣ самую важную темою для переговоровъ былъ денежный вопросъ. Начали считать, что было прожито. Помилуйте, говорилъ онъ, что вы дѣлаете, Богданъ Ивановичъ, подумайте только, 8,000 фр. въ мѣсяцъ, вѣдь это составитъ безъ малаго 100,000 фр. въ годъ, а на наши рубли по курсу сколько будетъ! (Я подсказалъ, что около 40,000 руб.), 40,000 въ годъ, да вѣдь это сумасшествіе, такъ въ годъ-другой вы раззоритесь окончательно такъ, что уже никогда не поправитесь. Вы забыли сколько у васъ на рукахъ, кого вы должны кормить, на сколько домовъ вы живете? Что я могъ ему возразить, продолжаетъ Бушъ, все, что онъ говоритъ, то правда и если онъ мнѣ говоритъ иногда горькія истины, то я ни сколько не обижаюсь его наставленіями, хотя онъ и моложе меня. 17 лѣтъ дѣла свои, въ мое отсутствіе, ведетъ онъ отлично, всѣ платежи покрываетъ своевременно, распоряжается очень экономно. Имѣя при себѣ въ вѣдомствѣ такого близкаго человѣка, возможно ли было не подѣлиться съ нимъ тѣмъ, что я вынесъ изъ совмѣстнаго съ вами нутешествія. На Ивана Даниловича

я не могу иначе смотреть, как на самого безкорыстного и искренне преданного мнѣ друга»,

Каковы же отношенія этихъ нѣжныхъ друзей были къ ихъ клиентамъ и какъ собирали они свою мзду, чтобы г. Бушъ могъ проживать по нѣскольку десятковъ тысячъ въ годъ (сколько получалъ отъ г. Буша Андреевъ и на какомъ положеніи состоялъ у него—на жалованьи или на извѣстномъ процентѣ съ дохода—также не выяснилось на судѣ). Собирали они и тысячами, и 25 рублевыми и даже 10 рублевыми бумажками, смотря по состоянію клиента и по важности оказываемой ему услуги; но больше брали средними или даже умѣренными суммами, «по установленной таксѣ», въ размѣрѣ 200—400 рублей. У кого не было наличныхъ денегъ, соглашались подождать, взявъ вексель, а то и на слово (мы съ вами, молъ, благородные, образованные люди, ну что за пустяки—какія тамъ рослиски—вѣримъ и такъ), хотя наличныя предпочитались, потому что слово не всегда сдерживалось. Такъ, напримѣръ, лекарь Малиновскій учинилъ съ г. Бушемъ слѣдующій неблаговидный поступокъ: общалъ, черезъ д-ра Гринцевича, заплатить за мѣсто 400 р., г. Бушъ повѣрилъ—«принялъ его весьма любезно» и даже «пожалъ ему руку», а когда состоялся приказъ о назначеніи его судовымъ врачомъ во Владивостокъ и ему были выданы прогонныя деньги (изъ которыхъ и слѣдовало заплатить), то онъ взялъ, да ничего и не заплатилъ. Никакъ, говоритъ, не могъ исполнить обѣщанія и до сихъ поръ считаю себя должнымъ г. Бушу. Мало того: какъ бы въ насмѣшку, онъ явился передъ отъѣздомъ во Владивостокъ къ г. Бушу съ извиненіемъ, при чемъ Бушъ не стерпѣлъ: раскричался на него, трясъ кулаками, стучалъ по столу и сказалъ ему: «еслибы я зналъ, что вы такой подлець, то я бы никогда не принялъ васъ на службу». Г. Малиновскій общалъ выслать деньги изъ Владивостока, но г. Бушъ выгналъ его вонъ, а затѣмъ онъ все-таки не ушолъ отъ его справедливаго гнѣва и подвергся гоненіямъ, какъ во Владивостокѣ, такъ и потомъ въ Кронштадтѣ, и долженъ былъ вслѣдствіе этого перейти въ военное вѣдомство—въ 85 Выборгскій полкъ младшимъ врачомъ. Большинство, впрочемъ, платило аккуратно... Но посмотримъ лучше на показанія свидѣтелей, изъ которыхъ нѣкоторыя чрезвычайно интересны и отлично характеризуютъ не только подсудимыхъ, но и ихъ самихъ. Изъ числа спрошенныхъ 126 врачей морского вѣдомства, состоящихъ нынѣ на службѣ въ портахъ петербургскомъ, кронштадтскомъ и ревельскомъ, 86 человекъ показали, что они либо сами давали, либо давно слышали о поборахъ г. Буша, а 40 чел. оказались въ невѣденіи этого, что прокуратура подвергла сомнѣнію и воздала дань «гражданскаго мужества» сознавшимся въ даваніи взятокъ.

Докторъ балтійскаго флота В. Смирновъ говоритъ, что онъ въ 1880 г. слышалъ на пароходѣ разговоръ двухъ молодыхъ жедиковъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ съ нимъ авляться къ флота ген.

штаб. доктору, которые, не стѣняясь его присутствіемъ, говорили: «чортъ ихъ знаетъ! они торгуются какъ въ мелочной лавкѣ: я предлагалъ Андрееву 250 р., а съ меня просили 300 и переводъ не состоялся.» Докторъ Лукинъ показалъ, что онъ въ 1873 г. слышалъ пастойчивые слухи о продажѣ медикамъ мѣсто во флотѣ. Врачъ 4-го экипажа Якушевъ говорить, что хотя онъ и ничего не платилъ Андрееву, но не сомнѣвается въ томъ, что онъ беретъ, такъ какъ объ этомъ всѣ говорятъ открыто, при чемъ поясняютъ, что Андреевъ, по слухамъ, беря векселя, «въ этомъ отношеніи ведетъ себя честно, и по векселю уплачивается только съ момента исполненія обѣщанія, при чемъ если обѣщаніе не исполнено, то вексель разрывается». Слухи о продажѣ мѣсто во флотѣ распространены были и въ медико хирургической академіи среди студентовъ. Помощникъ инспектора академіи д-ръ Поповъ говорить, что онъ слышалъ объ этомъ отъ студентовъ только что кончившихъ курсъ и помнитъ, что когда сказалъ одному изъ нихъ: «что вы говорите пустяки! какъ заплатить, когда у васъ нѣтъ денегъ?» то услышалъ въ отвѣтъ на это, что «можно дать вексель». Врачъ 8 экипажа Карстъ показалъ, что онъ дважды заплатилъ Андрееву: сначала 300 р. въ 1874 г. за опредѣленіе его во флотъ, а затѣмъ 1,500 р. въ 1879 г., когда, послѣ временной отставки, ему вновь захотѣлось флотской службы, при чемъ половина 1,500 р. была уплачена имъ (впередъ, до назначенія), а вторая послѣ назначенія (съ осторожностью). Любопытно, что когда съ г. Карстомъ случилось при этомъ маленькое затрудненіе, а именно у него не хватило 200 р., то г. Андреевъ сейчасъ же вывелъ его изъ этого затрудненія, указавъ ему на лекарскаго помощника Орляковскаго, который и далъ ему подъ вексель недостающую сумму изъ 12%. Отставной лекаръ Смирновъ показалъ, что, по окончаніи курса въ 1872 г. прямыя его хлопоты о поступленіи во флотъ не увѣнчались успѣхомъ, а когда по совѣту товарища онъ далъ Парфенову 75 или 85 р., хорошенько не помнитъ, то «дѣйствительно, черезъ двѣ недѣли» состоялось его опредѣленіе. «Послѣ этого Бушъ былъ гораздо любезнѣе, чѣмъ въ первый разъ» говорить г. Смирновъ. Врачи Черевковъ, Кривуша и Садовскій, окончивъ курсъ въ академіи въ 1880 г., всѣ заплатили Андрееву, при чемъ сторговались съ нимъ — Черевковъ и Садовскій на 200 р., каждый, а Кривуша на 300 р. Когда Кривуша, сторговавшись уже съ Андреевымъ, принесъ ему деньги, то, желая еще что-нибудь выторговать, сказалъ, что это слишкомъ большая сумма, то Андреевъ отвѣтилъ: «ужъ объ этомъ сказано, и потому сбавить нельзя».

Помощникъ аптекаря кронштадскаго госпиталя Федоровичъ заплатилъ Андрееву за мѣсто 300 р.—200 р. впередъ и 100 послѣ полученія мѣста. Особенно интересны показанія д-ра Голузинскаго, узнавшаго гг. Буша и Андреева вскорѣ послѣ окончанія крымской компаніи и бывшаго къ Бушу года 3 или 4 въ

близких отношеніяхъ, но потомъ съ нимъ почему-то разошелся. Почему свидѣтель разошелся съ Бушемъ—онъ и до сихъ поръ не знаетъ, но предполагаетъ, что по неимѣнію тѣхъ качествъ, какихъ требовалъ г. Бушъ отъ другихъ: «онъ долгое время почти каждаго изъ подчиненныхъ подвергалъ испытаніямъ и всевозможнымъ утѣсненіямъ, ругалъ чѣмъ попало и какъ попало... Цѣль Буша была запугать подчиненныхъ, унижить, обезличить ихъ, чтобы потомъ съ развязанными руками дѣлать, что ему угодно. Онъ изгонялъ людей ни въ чемъ не виноватыхъ, личностей очень хорошихъ...» Первымъ такимъ лицомъ былъ, напри- мѣръ, д-ръ Виноградовъ (нынѣ директоръ василеостровскаго от- дѣленія Максимилиановской лечебницы), затѣмъ гофъ-медикъ Е. В. Маріи Николаевны Фишъ и т. д., при чемъ руководился то завистью къ ихъ успѣхамъ, то какими-нибудь другими при- чинами; а вмѣсто нихъ сажалъ людей мало способныхъ и мало знающихъ, которые ему нравились. Въ продолженіи 28 лѣтъ службы свидѣтель не запомнитъ, чтобы медицинская часть во флотѣ такъ низко пала, какъ при Бушѣ; за то никогда не было такого движенія принимаемыхъ и увольняемыхъ со службы: это было какое то «безпрерывное снованіе». Разсердившись на очень хорошаго врача Смольскаго за болѣе вѣрное опредѣленіе имъ болѣзни у одного больного, онъ совершенно неосновательно нарядилъ надъ нимъ комиссію, а когда та его оправдала, то, тѣмъ не менѣе, черезъ нѣкоторое время, все-таки выгналъ его со службы. «Тотъ упалъ духомъ, началъ задумываться; его све- зли въ домъ умалишенныхъ, гдѣ онъ и умеръ. Послѣ смерти жена Смольскаго и года не протянула—она заскучала по мужѣ, получила чахотку, умерла и оставила двухъ малолѣтнихъ дѣ- тей», участь которыхъ свидѣтелю неизвѣста.

Между тѣмъ, пріятель Андреева, врачъ Коноплицкій, получалъ мѣсто старшаго ординатора Калининскаго госпиталя и становился хирургомъ, не будучи таковымъ; спеціалистъ горловыхъ болѣзней Миллеръ превращался въ окулиста, имѣя, по отзывамъ спеціали- стовъ, очень мало свѣденій въ офтальмологіи и т. д. Назначеніе Миллера было, между прочимъ, связано съ устраненіемъ ближай- шаго кандидата на это мѣсто Кауфмана, что произошло такимъ образомъ: Андреевъ спросилъ его однажды, встрѣтившись съ нимъ у выхода изъ его квартиры, не можетъ ли онъ дать 300 р. Кауфманъ, зная, что значитъ отказъ, тѣмъ не менѣе, однако, от- казалъ, на что Андреевъ отвѣтилъ однимъ только словомъ: «жаль». Небольшое слово было сказано, но съ этого времени начались для Кауфмана разные притѣсненія, которыя кончились тѣмъ, что ему, въ концѣ концовъ, было предложено оставить служ- бу (г. Кауфманъ на службѣ, впрочемъ, остался, такъ какъ жалованья вышему начальству и просьба его была уважена). Врачъ Архангельскій, заплатилъ Андрееву за переводъ его въ Петер- бургъ 300 р., Еремѣевъ 300 р., Федотьевъ 300 р. (только за о-

будто бы, что тотъ показаль ему какъ нужно писать проше-
нiе на Высочайшее имя), Вучаховскiй далъ самому Богдану
Ивановичу займы на самое короткое время 2,000 р., которые,
однако, съ него не требоваль и не получилъ, а получилъ только
мѣсто при Калинковскомъ госпиталѣ; Баумбахъ за назначенiе
старшимъ врачомъ морского госпиталя во Владивостогѣ ссудилъ
г. Буша 3,000 р., которые, по полученiи мѣста, должны были
считаться упроченными, и т. д., и т. д. Исключенiй, повиди-
мому, не было ни для кого, такъ, напр: контръ-адмиралъ Кру-
зенштернъ просилъ мѣста для своего племянника, но и ему ска-
зали, чтобы онъ заплатилъ, а когда дядя воспретилъ ему давать
взятку, то онъ остался безъ мѣста. Собиралась дань и съ госпи-
талей, напримѣръ, съ кронштадтскаго, при чемъ, если посажен-
ный туда сборщикъ даней оказывался незначительнымъ, забыв-
валь про начальство или даваль недостаточный доходъ, то ему
дѣлались угрозы и напоминанiя. Г. Бушъ отлично зналъ всѣ
статьи госпитальныхъ доходовъ въ Кронштадтѣ (онъ у него были
переписаны рукою Парфенова и занимали цѣлые два листа писчей
бумаги) и могъ, слѣдовательно, вести точный расчетъ прихода.
Если сборщикъ забываль о какой-нибудь статьѣ, то онъ напо-
миналь ему о ней или вымогалъ изъ него что можно, какъ,
напримѣръ, изъ Гринцевича. У г. Буша была найдена слѣдую-
щая его собственноручная записка: «Гринцевичъ беретъ чрезъ
Терентьева письмоводителя, отъ врачей, и Макарова письмово-
дителя,—отъ подрядчиковъ и съ дровъ; чрезъ Стопенгагена—съ
аштеки, чрезъ Акинфiева—съ фельдшерской школы». Гринцевичъ
думаль, по свидѣтельству Мерцалова, что, заплативъ разъ Бушу
1,300 р., онъ будетъ свободенъ на будущее время, но не тутъ-то
было—дани требовались ежегодныя... Наивный, право, былъ чело-
вѣкъ, когда за даними г. Бушъ послалъ г. Андрева даже въ Чер-
ное море, къ черноморскимъ врачамъ, для чего г. Андрееву была вы-
хлопотана командировка, съ прогонными и суточными, подъ предло-
гомъ ознакомленiя черноморскихъ медиковъ съ дѣйствиємъ изо-
брѣтенныхъ врачомъ Миллеромъ насилоекъ. Какъ безцеремонно
иногда производились взятки остается только удивляться: какой-
то Беть говорить, напримѣръ, Андрееву, что у него нѣтъ де-
негъ; «сыщите» отвѣчаетъ тотъ, и г. Беть находить деньги;
у дѣлопроизводителя медицинской части кронштадтскаго порта
Терентьева, дающаго Андрееву 25 р. и извиняющагося за ма-
лость приношенiя, Андреевъ чуть не вырваль эти 25 р. и, «по-
видимому, остался недоволенъ»; настойчиво прося у врача Ере-
мѣева 300 р. займы, Андреевъ разъ прямо заявилъ, что «если
онъ не дасть денегъ, то ему въ морскомъ вѣдомствѣ будетъ
служить неудобно», и г. Еремѣевъ далъ— «нечего говорить было
дѣлать». Но еще интереснѣе рассказъ Стопенгагена: «Въ маѣ
1880 года приходить къ нему Андреевъ и говорить: «желаете
помириться!»—Съ кѣмъ, спрашиваетъ свидѣтель? «Да съ Бу-

шемъ», заявляетъ Андреевъ. Стопенгагенъ увѣряетъ, что съ Бушемъ не ссорился. «Ну, да ладно», говоритъ Андреевъ, и затѣмъ просить для Буша 4,000 руб. Свидѣтель отказалъ и послѣ этого Бушъ «даже не замѣчалъ его [и сталъ еще болѣе преслѣдовать». Въ дополненіе къ этому нужно замѣтить еще и то, что свидѣтеля 6 разъ представляли къ награждѣ, но дѣло не выгорало, а когда онъ заплатилъ Андрееву 200 р., то вскорѣ получилъ орденъ св. Станислава».

Гофману Андреевъ предлагалъ: не хочетъ ли онъ быть дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, но такъ какъ тотъ только отвѣтилъ, что это ему будетъ очень пріятно и ничѣмъ пріятности своей не выразилъ, то и повышенія не получилъ. Еремеевъ рассказывалъ свидѣтелю Яковлеву, что приглашенный однажды Бушемъ на чашку чаю, онъ засталъ тамъ Селезневу и Андреева. «Во время чая Бушу подали конвертъ изъ Кронштадта, распекавъ который и пробѣжавъ вложенную бумагу, Бушъ сказалъ: «дуракъ этотъ Шванкъ» не умѣетъ назначать врачей въ плаваніе», и, обращаясь къ Селезневой, сказалъ ей: «назначьте кого угодно». Селезнева назначила доктора Тихова, и онъ отправился въ плаваніе на Амуръ».

Но всей занимательной Бушевской сказки не расскажешь кратко, да и скучно ее рассказывать, признаться сказать, потому что она вызываетъ самыя невеселыя думы. Все это происходило вѣдь не гдѣ нибудь за тридцать земель и не сто лѣтъ тому назадъ, а у насъ и только вчера. Можетъ быть и теперь, въ настоящую минуту, творится гдѣ нибудь нѣчто подобное, а г. Катковъ все утверждаетъ, что у насъ все обстоит благополучно и что будетъ еще благополучнѣе съ упраздненіемъ непріятной ему печати и съ водвореніемъ его газетнаго единодержавія.—О, непременно будетъ еще благополучнѣе! Фигурируетъ на сценѣ около ста лицъ и вы ни на комъ не можете остановиться съ симпатіей, ни къ кому не чувствуете ни малѣйшаго влеченія и ни въ комъ не видите искры божіей. А публика хохочетъ—ей смѣшны всѣ эти эпизоды и она не видитъ изъ-за нихъ горькаго смысла сказки. Нельзя не согласиться съ «Современными Извѣстіями», что все это, дѣйствительно, было вовсе не смѣшно, а скорѣе ужасно, что «ужасно оставаться въ увѣренности, что это лишь одинъ, и то случайно вынутый комочекъ грязи изъ общей смердящей пучины», и что невольно рождаются вопросы: что же дальше? такъ ли и останется лучина пучиной? нужно ли ждать, чтобы случайно кто-нибудь вытащилъ другого Буша? и нѣтъ ли Бушей и въ другихъ мѣстахъ и вѣдомствахъ?

Д-ръ Кривуша говорилъ на судѣ, что, по окончаніи курса, онъ испыталъ «хожденіе по всѣмъ вѣдомствамъ, но, куда не являлся, успѣха не имѣлъ. Въ одномъ мѣстѣ объясняли словами, въ другомъ—на стеклѣ пальцемъ рисовали, въ третьемъ—

писали на бумагѣ—конечно, многозначущія цифры, сумма которыхъ оказывалась неподходящею». А когда молодые врачи, проложившіе себѣ дорогу взятками, прибыли въ Кронштадтъ, то молодые тоже мичманы ихъ прямо спрашивали о томъ «сколько съ нихъ взяли» и говорили имъ: «да у васъ еще хорошо—берутъ да дѣлаютъ, а вотъ у насъ такъ брать берутъ, а ничего не дѣлаютъ». Дѣло Буша дѣйствительно выплыло на свѣтъ Божій совершенно случайно, благодаря рапорту одного изъ его подчиненныхъ, г. Вакуловскаго, который рисковалъ, какъ самъ онъ говоритъ, увидѣть себя отданнымъ подъ судъ и не доказать обвиненія, такъ какъ давашіе взятки легко могли отъ этого отказаться на судѣ. Нельзя не согласиться съ «Соврем. Извѣстіями», что «изъ ста въ девяносто девяти (подобныхъ) случаевъ доносчика самого, если не отдадутъ подъ судъ, то спускаютъ оставить службу, а тому, о комъ донесено, сдѣлаютъ замѣчаніе, и то лишь въ случаѣ нравственной увѣренности, что доносъ справедливъ. А не то, такъ въ утѣшеніе начальнику, неожиданно получившему такую обиду отъ своего подчиненнаго, дадутъ не въ очередь награду или повышение. Вѣдь это бываетъ, бывало, по крайней мѣрѣ, и при томъ даже изъ принципа—чтобы не ронять власти въ глазахъ общества» (№ 125). Я не могу согласиться съ газетою только въ одномъ, что со стороны г. Вакуловскаго нужно было имѣть «много гражданскаго мужества», чтобы сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ; я думаю скорѣе, что нужно было имѣть много гражданской нечистоплотности, чтобы не сдѣлать этого раньше, чтобы такъ долго оставаться въ обществѣ г. Буша и сдѣлать это только подъ вліяніемъ чисто личныхъ мотивовъ и старыхъ счетовъ. Г. Вакуловскій очень много рисовался на судѣ со стороны рыцарственности своего подвига, и хотя, какъ самъ онъ, такъ и свидѣтели говорятъ о томъ, что онъ возмущался взяточничествомъ и говорилъ объ этомъ не разъ Бушу, но, тѣмъ не менѣе, вы видите въ немъ прежде всего неудачнаго карьериста, можетъ быть, даже соперника г. Буша, который, узнавъ слабость начальства, протискивался въ гору, причемъ не рапортовалъ о возмущавшихъ его порядкахъ и только тогда рѣшился выступить съ обличеніемъ ихъ, когда вышелъ изъ министерства и убѣдился, что изъ усилій его ничего не выйдетъ. Бушъ говорилъ про него Мерцалову: «я вижу, что онъ меня хочетъ забрать въ руки, а на счетъ этого ужъ прошу извинить». Вы видите также, что съ самаго поступленія д-ра Вакуловскаго въ должность дѣлопроизводителя, подъ начальство Буша, въ 1867 года, послѣдній начинаетъ къ нему придирается, и что онъ терпитъ это; вы видите, что отношенія между нимъ и Бушемъ обостряются до того, что Вакуловскаго удаляютъ отъ дѣлъ и онъ ходитъ въ канцелярію лишь за полученіемъ жалованья, что, наконецъ, его напоминанія о себѣ заставляютъ Буша сказать, что

если Вакуловскій даетъ росписку, что, по полученіи слѣдующаго чина онъ выйдетъ въ отставку, то Бушъ представить его къ чину. Вы видите затѣмъ, что росписка дана и чинъ полученъ, а г. Вакуловскій все еще чего-то ждетъ и не уходитъ.

«Бушъ дѣлаетъ напоминанія о данномъ обѣщаніи и говоритъ, что къ этому настало уже время. Вакуловскій отвѣчаетъ, что не можетъ подать въ отставку, потому что онъ только-что получилъ чинъ, такъ не ловко, да къ тому же ожидается утверждение новаго положенія объ эмеритальной пенсіи, по которому Вакуловскому перепадетъ излишекъ. Прошелъ еще большой промежутокъ времени и Вакуловскій вышелъ въ отставку, а черезъ годъ спустя подалъ управляющему морскимъ министерствомъ прошеніе, съ котораго и началось настоящее дѣло».

Все это ни мало не говоритъ въ пользу гражданскихъ доблестей г. Вакуловскаго. Онъ не хуже, разумѣется, г. Буша, но вы ясно видите, что тутъ произошла самая простая исторія, которая выражена въ пословицѣ—нашла коса на камень. Столь же нехорошъ и остальной персоналъ дѣйствующихъ лицъ, напри- мѣръ, статскій совѣтникъ Любимскій, который, желая сказать что-нибудь въ пользу Буша, говорилъ, что нетолько онъ не давалъ денегъ Бушу, а самъ «черезъ него получалъ много денегъ». (Находила наша коса не разъ на камень). Затѣмъ, онъ называлъ Буша «человѣкомъ сердца» и «человѣкомъ недужиннымъ», за что и получилъ неожиданный урокъ. По окончаніи допроса Любимскаго прокуроръ предъявилъ суду документъ, въ которомъ Бушъ дѣлалъ росписанія, кому какія работы можно поручить, и передъ фамиліей Любимскаго своею рукою написалъ слѣдующее: «спекуляторъ и эксплуататоръ».

Не хороши и молодые гг. доктора, всѣ эти Архангельскіе Куривуши, Черевковы, Карсты и другіе, которые прямо со сколько- ной скамьи начинаютъ давать взятки и идутъ жить въ міръ взяточниковъ и тамъ, бокъ о бокъ съ ними, начинаютъ составлять себѣ карьеру, забывая, что въ деревняхъ нѣтъ врачей, что народъ некому лечить, что многія земства сидятъ у насъ безъ докторовъ, не будучи въ состояніи дать имъ «приличный» окладъ. Что изъ того, что г. Архангельскій, показавшій сначала, подъ вліяніемъ страха отвѣтственности передъ закономъ (онъ думалъ, что законъ караетъ какъ берущихъ, такъ и дающихъ взятки), что не давалъ Андрееву взятку, а далъ денегъ взаимы, потомъ раскаялся, пришелъ и сказалъ слѣдователю: «Совѣсть мнѣ подсказала, что произнесъ ложь... Я далъ Андрееву взятку»? Что изъ того, что г. Черевковъ пояснялъ, что «онъ человѣкъ бѣдный» и что «ему все равно было куда ни поступить», а въ военномъ вѣдомствѣ пришлось бы заплатить «гораздо больше»? Ровно ничего это не доказываетъ, не объясняетъ и ни мало ихъ не оправдываетъ. А г. Карстъ, такъ тотъ даже и малѣйшаго угрызенія совѣсти, повидимому,

не чувствуетъ: онъ бойко говоритъ, что «получить мѣсто врачу очень туго, если нѣтъ тетушекъ и дядюшекъ, которые замолвили бы словечко», что приходится «обивать пороги у медицинскихъ начальниковъ» и что «все это кончается ничѣмъ». Онъ даже взлетаетъ на нѣкоторую нравственную высоту и спрашиваетъ: «что же остается дѣлать врачу, молодому человѣку, имѣющему страстное желаніе примѣнить къ дѣлу свои научныя познанія на пользу отечества?» И отвѣчаетъ: приходится остановиться на послѣднемъ средствѣ — на деньгахъ. Просто великолѣпно! И наука тутъ, и отечество, и страстное желаніе примѣнить свои познанія...

Слѣдовало бы по этому поводу сказать очень многое, но я скажу пока только одно, что еслибы все молодое поколѣніе состояло только изъ Каретовъ, то, право, не стоило бы жить и не на что было бы надѣяться; а въ заключеніе позволю себѣ поставить одинъ вопросъ людямъ, желающимъ стѣсненія печати: больше тогда или меньше будетъ подобныхъ господъ и можно ли надѣяться съ ними сдѣлать что-нибудь для искорененія взяточничества, хищеній и неправды? Припомнимъ, что говорилъ насчетъ этого прежній г. Катковъ, Катковъ 1863 года: «Свѣтъ всегда лучше потемокъ, и только въ темнотѣ дѣйствуетъ зло, только въ потемкахъ приволье обманамъ...» («Московскія Вѣдомости», № 174).